

О женщинах и соли

Автор:

Габриэла Гарсиа

О женщинах и соли

Габриэла Гарсиа

Время женщин

Портрет трех поколений женщин, написанный на фоне стремительно меняющейся истории и географии. От Кубы до Майами, с девятнадцатого века и до наших дней они несут бремя памяти, огонь гнева и пепел разочарований.

Мария Изабель, Джанетт, Ана, Кармен, Глория – пять женщин, которые рассказывают свои истории, не оглядываясь на тех, кто хочет заставить их замолчать.

Пять женщин, чьи голоса с оглушительной силой обрушиваются на жизнь, которой они отказываются подчиняться.

Внимание! Содержит ненормативную лексику!

Габриэла Гарсиа

О женщинах и соли

Para mi abuelita Iraida Rosa Lopez[1 - Посвящается моей бабушке Ираиде Розе Лопес (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.]

Gabriela Garcia

OF WOMEN AND SALT

Серия «Время женщин»

Печатается с разрешения Gabriela Garcia

© Of women and salt by Gabriela Garcia.

All rights reserved. 2021

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Кармен

Майами, 2018

Джанетт, скажи мне, что хочешь жить.

Вчера я смотрела твои детские фотографии. Вымоченная в соли, с налипшими крошками песка, щербато улыбаешься у кромки океана, моя единственная дочь. В твоих руках книга, потому что именно так тебе хотелось проводить время на пляже. Не играть, не купаться, не нырять в волны с разбегу. Тебе хотелось сидеть в тени и читать.

Подросток, раскинулась морской звездой на батуте. Ты замечала, что у нас с тобой одинаковая, чуть кривоватая, улыбка? Снова подросток, Флорида, твой выпускной в «Эпкоте», одна нога в одной стране, другая – в другой. В «Эпкоте»[2 - EPCOT (Experimental Prototype Community of Tomorrow – Экспериментальный прототип сообщества будущего) – тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея», расположенный в городе Орlando, штат Флорида, и посвященный мировой культуре и новейшим технологиям. Одна из зон парка носит название «Витрина мира» и представляет собой историко-культурную реконструкцию 11 стран мира.], в этом диснеевском мирке в миниатюре, такое вполне возможно – стоять двумя ногами по разные стороны границы.

Дитя солнца с волосами, постоянно растрепанными ветром, когда-то ты была счастлива. Я вижу это, просматривая фотографии. Вижу, как ты улыбалась. Откуда мне было знать, что ты хранишь такую тайну? Я знала одно: однажды ты улыбалась, а потом перестала.

Пойми, у меня ведь тоже есть секреты. И если бы ты перестала загонять себя в могилу, если бы завязала с наркотиками, возможно, мы могли бы сесть и поговорить. Возможно, я нашла бы в себе силы все тебе рассказать. Возможно, ты бы даже поняла, почему я принимала те или иные решения, почему так боролась за сохранение нашей семьи. Возможно, тут действуют силы, которые никто из нас не брал в расчет. Возможно, если бы я могла увидеть все прошлое целиком, со всеми его развилками, возможно, тогда у меня бы нашелся ответ на вопрос почему: почему наша жизнь сложилась именно так?

Раньше ты говорила: Ты ничего мне не рассказываешь. Ты никогда не проявляешь эмоций.

Я виню себя, потому что знаю, что всю жизнь ты ждала от меня большего. Я столько всего скрывала от тебя, а сколько всего наделала, нарочно ожесточаясь. Я думала, что мне нужно быть жесткой за нас обеих. Ты всегда была слабой. Всегда разваливалась на куски. Я решила, что мне нужно быть сильной.

Я никогда не говорила тебе: всю свою жизнь я жила в страхе. Я перестала общаться с собственной матерью. И я никогда не говорила тебе о причине, по которой приехала в эту страну, и это не та причина, о которой ты думаешь. И я никогда не говорила о том, что считала: если я не озвучу эмоцию или истину, то смогу сделать так, что они исчезнут. Я смогу.

Скажи, что ты хочешь жить, и я стану такой, какой ты захочешь меня видеть. Но я не смогу поддерживать жизнь в нас обеих.

Скажи мне, что хочешь жить.

Я боялась оглядываться назад, потому что тогда я бы увидела, что нас ждет. До и после, как соль, размешанная в воде, пока не перестанешь отличать одно от другого, но я чувствую этот вкус на твоей коже, когда прижимаю к себе твое лихорадочное тело во время каждой твоей ломки. Чувствую каждую историю, которая столкнулась с нашей. Я боялась оглядываться назад, потому что тогда я бы увидела, что нас ждет.

1. Не танцуйте за горой далекой

Мария Изабель

Камагуэй, 1866

В половине седьмого, когда все крутильщики уже сидели за столами перед стопками табачных листьев и бригадир дал звонок, Мария Изабель склонила голову, перекрестилась от плеча к плечу и взяла в руки первый лист. Лектор со своего возвышения над рабочими сделал то же самое, только в руках он держал не коричневые листья, а сложенную газету.

– Господа мастера, – сказал он, – мы начнем сегодня с письма особой важности от глубокоуважаемых редакторов нашей «Ла Ауроры». Эти герои пера хотят выразить теплые чувства к рабочим, чье стремление к новым познаниям – в

науке, литературе и нормах морали – двигает прогресс всей Кубы.

Мария Изабель провела языком по клейкой изнанке следующего листа, землистая горечь которого казалась ей теперь такой родной, словно она родилась с этим вкусом во рту. Она положила размягченный лист поверх стопки таких же листов, а длинные прожилки – в соседнюю кучку. Крутильщики, которым позволялось курить сколько угодно, чиркали спичками и вдыхали густой дым, прикрывая ладонью зажженный конец. Воздух сгустился. Мария Изабель к тому времени уже настолько надышалась табачной пылью, что у нее регулярно шла носом кровь, но бригадир не разрешал рабочим широко открывать оконные ставни – солнечный свет высушивал сигары. Поэтому она не привлекала внимание к своему кашлю. Она была единственной женщиной в цеху. Она не хотела выглядеть слабой.

По кубинским меркам фабрика была невелика: всего порядка сотни рабочих, хватало, чтобы накрутить сигар с одной плантации в миле отсюда. В деревянном хранилище в центре фабрики хранился высушенный табак – потемневшие на солнце, тонкие листья, которые крутильщики разносили по своим рабочим местам. Лестницу возле хранилища сбоку подпирал стул, на котором сидел лектор Антонио.

Он прочистил горло и развернул газету.

– «Ла Аурора», пятница, первое июня 1866 года, – начал он. – «Дисциплина и моральная чистоплотность, соблюдаемые сигарщиками в наших цехах, их жажда знаний – это ли не несомненное доказательство того, что мы стоим на пути прогресса?»

Мария Изабель порылась в своей стопке, менее качественные листья откладывая в сторону для начинки.

– «...Зайдите в цех, где работает две сотни человек, и вы изумитесь образцовому порядку, который вы там обнаружите. Вы увидите людей, вдохновленных общей целью: исполнять свой долг...»

В плечах у Марии Изабель уже разливалось покалывающее тепло. Пройдут часы, и неприятное ощущение перерастет в болезненную пульсацию, так что к концу рабочего дня она едва сможет поднять голову. Исполнять свой долг, исполнять

свой долг. Ее руки двигались безотчетно. Раздастся звонок, и она посмотрит на груды сигар, гладких, как глина, и сама себе удивится, что успела столько скрутить. Коричневый цвет ложился в ее воображении слоями, которые бесконечно сливались друг с другом: столы становились стенами, листья – глазами, а стебли рук мерно двигались, пока все и вся не становилось частью единой поэзии тела, единой песни, рожденной из пота. Обед. Она устала.

Единственная грунтовая дорога в этом городе проходила мимо ворот фабрики и вела к сахарной плантации в миле отсюда, притом и та и другая принадлежала креольской семье Портеньо. Домой Мария Изабель возвращалась этой тропой, которая змеилась в тенишке, позволявшем ей краткую передышку от палящего солнца. Она вспоминала слова Антонио: «Учеба вошла у них в привычку; сегодня они бросают петушинные бои, предпочитая им газету или книгу; они презирают бой быков; теперь их все чаще можно увидеть в театрах, библиотеках и центрах добрых отношений».

Это верно, что с тех пор как «Ла Аурора» изобличила варварскую природу петушинных боев и корриды, число зрителей на них уменьшилось. Но не только газетные советы подталкивали людей к тому, чтобы отказаться от кровавого спорта. Имели место и другие заботы. Среди рабочих ходили разговоры о повстанческих группировках, поднявших движение против испанских лоялистов. О мужчинах, которые проходили боевую подготовку, чтобы присоединиться к повстанцам, уже направляющимся на запад, к Гаване. Недавняя смерть отца Марии Изабель, который за считанные недели сгорел от дьявольской желтой лихорадки, ожесточила ее, так что поначалу она не замечала ничего вокруг себя и ничем не интересовалась. Но вскоре эта тема была у всех на устах.

Однако к тому времени, когда новости о герилье добрались до их стороны острова, уже всюду ползли слухи о междоусобной грызне. Генералы ополчения приходили и уходили, когда их идеи становились неуютны. Гавана, с ее бесконечными поместьями знатных испанских семей, наблюдала за восстанием с безразличием, и казалось все более и более вероятным, что королева не даст мятежникам ни малейшего спуска. Жгучая тревога давно пришла на смену возвышенным идеалам юности Марии Изабель: свободе, вольности. Она презирала неведение. Презирала то, что ее собственная жизнь зависела от туманного политического будущего, которое она смутно могла себе представить.

Дом. Мать Марии Изабель, Аурелия, сидела на земле, прислонившись спиной к прохладной земляной стене бохио[3 - Бохио – традиционные для стран Карибского бассейна тростниковые хижины круглой формы без окон.]. Она уже вернулась с полей, где сама работала.

- Мама?

Мария Изабель встревожилась, застав ее в таком виде. Лицо матери до самых кончиков ушей заливал нехарактерный румянец.

- Estoy bien[4 - Со мной все хорошо (исп.)], – отозвалась Аурелия. – Просто ослабла от ходьбы. Ты же знаешь, я становлюсь все более и более немощной.

- Ничего подобного.

Аурелия оперлась рукой о стену, и Мария Изабель помогла ей подняться на ноги.

- Мама. – Мария Изабель приложила ко лбу Аурелии тыльную сторону ладони, от которой так разило табаком, что мать поморщилась. – Оставайся на свежем воздухе и отдохни в хатаса[5 - Гамак (исп.)], ладно? Я пока приготовлю обед.

Аурелия похлопала Марию Изабель по руке.

- Ты хорошая дочь, – сказала она.

Они подошли к гамаку, натянутому между двух пальм.

Мать Марии Изабель, изможденная десятилетиями утрат и тяжелого труда, тем не менее сумела не растерять своей женственности. Ее кожа была гладкая, почти без морщин, зубы – ровные и без гнили. После смерти мужа к Аурелии часто навевались женихи, мужчины беззубые и с обветренной, сухой как бумага, кожей, которые мало что могли предложить в плане богатства – кто осла, кто небольшой надел с манговыми деревьями и плантановыми пальмами, – но обещали протекцию, от которой она только отмахивалась.

- Женщина не отказывается от любви ни к Богу, ни к родине, ни к семье, – говорила она в те дни, пока мужчины не перестали искать ее расположения. – Я

окончу свои дни вдовой, такова моя доля.

Но силы начинали покидать Аурелию, Мария Изабель это видела. С упрямой одержимостью ее мать ударилась в поиски мужа для дочери. Мария Изабель упиралась: она была счастлива в цеху, в поле, потев над огнем, очищая юкку, плантаны и бросая их в чугунную cazuela[б - Кастрюля (исп.).] с кипящей водой, по локти засучив рукава, и собирая свиную кровь в металлическое ведро, чтобы приготовить лоснящуюся кровяную колбасу, открывая взмахом мачете тучный от молока кокос. И да, скрутка сигар была престижной, уважаемой работой – Мария Изабель почти год проходила в подмастерьях, прежде чем начала получать жалованье. Однако на фабрике ей платили сдельно, вдвое меньше того, что зарабатывали мужчины, и она, будучи единственной женщиной в цеху, знала, что мужчины ее ненавидят. Все слышали о новом изобретении из Гаваны – о прессе, с которым любой сможет практически без труда скрутить плотную сигару, – и видели в Марии Изабель предвестницу перемен, опасаясь, что следом за ней явятся неумелые и нечестивые женщины, босоногие дети и отберут у них рабочие места почти за бесценок. Намекали, что она могла бы зарабатывать больше, «скрашивая им досуг». Вычитали львиную долю из ее жалованья для оплаты лектору.

В иные моменты, такие как сейчас, когда она смотрела в окно на лежащую в гамаке раскрасневшуюся мать, Мария Изабель думала о жизни, в которой Аурелии не нужно работать, а сама она может посвящать все свое время заботе о матери вместо того, чтобы крутить табак на фабрике. И она со смирением понимала, что скажет «да» любому мужчине, который предложит облегчить ее бремя. Такова была ее доля.

* * *

После обеда читали романы: Виктора Гюго, Александра Дюма и даже Уильяма Шекспира; «Графа Монте-Кристо», «Отверженных», «Короля Лира». Некоторые из них были до того популярны среди крутильщиков, что имена их персонажей становились названиями сигар: тонкая, темная «Монтекристо» и толстая, сладкая «Ромео и Жулиета», обернутые бантами с изображениями рыцарских поединков и несчастных влюбленных.

Они приступали ко второму тому «Отверженных», избранных на редкость солидарным решением сразу после «Собора Парижской Богоматери». Когда

лектор дочитал «Собор» до конца, весь цех разразился аплодисментами, за что дон Херонимо, управляющий производством, словно сам коварный архидьякон собора Парижской Богоматери во плоти, сделал им выговор. Но рабочие возликовали, когда Антонио сообщил, что располагает испанским переводом еще одного романа Виктора Гюго, на сей раз в пяти частях, о революции и искуплении, о политике и любви, который взволнует душу и просветит разум, прежде чем прийти к душеспитательному заключению.

Это было наименее конфликтное голосование за всю историю «Портеньос-и-Гомес». И теперь Мария Изабель проводила послеобеденные часы, оставляя далеко позади поля сахарного тростника и омытые морской солью плантации и перемещаясь на туманные берега Франции. В своем воображении она шагала по мощеным улочкам Парижа, мочила ноги в Сене, проезжала по арочным мостам через реки в карете, как настоящая аристократка. Она разровняла губами жилистый табачный лист, затаив дыхание в предвкушении, когда инспектор полиции Жавер арестовал беглого каторжника Вальжана. Она размышляла о побегах и об арестах. Она размышляла о себе. О том, как бы это было, если бы кто-то написал о ней книгу. Кто-то вроде нее написал книгу.

– «Быть погруженным в созерцание не значит быть праздным. Есть труд видимый, и есть труд невидимый»[7 - Цитата из романа В. Гюго «Отверженные» в пер. Н. А. Коган.].

Антонио вещал текст Виктора Гюго с таким пылом, будто от его подачи зависело качество работы самих крутильщиков. И во многом так оно и было. Мария Изабель говорила себе, что она, молодая женщина, которой сидеть бы дома в ожидании женихов, трудится в поте лица на этой душной фабрике лишь потому, что осталась с одним засушливым наделом земли на руках, без отца и брата, которые могли бы о ней позаботиться. Но она с нетерпением ждала каждого нового дня, охочая до миров, открывавшихся перед ней, пока она, согнувшись над листьями в три погибели, доводила до совершенства каждую куколку и головку сигары – новости из столицы, где она была лишь однажды, сообщения о любопытных научных открытиях, разоблачения варварских и бесчестных владельцев плантаций, путевые заметки из далеких стран, о которых она могла только мечтать.

А еще были подарки. Она как раз уходила с фабрики, когда увидела Антонио с бригадиром. Дон Херонимо вслух зачитывал планы и объем выполненных за день работ, а Антонио привязал свою лошадь к столбу и крепил на ней седло,

что Мария Изабель раньше видела только в Гаване, где благородные господа не ездили верхом без седла, в отличие от провинции. Это произвело на нее впечатление, и, возможно, он неправильно истолковал причину ее взгляда, потому что на следующее утро на ее рабочем столе лежала гирлянда фиолетовых бугенвиллий. А потом, прежде чем Антонио приступил к чтению свежих новостей, он приподнял шляпу, посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

Конечно, она боялась – боялась, что дон Херонимо увидит цветы и обвинит ее в непристойном поведении, или, возможно, вычтет у нее из жалованья, или, что еще хуже, сочтет ее доступной и возобновит свои поползновения. Кто знает, что дон Херонимо мог себе позволить. В гневе он был неуправляем, непредсказуем, безрассуден. Он угрожал ей много раз, однажды схватив за загривок, когда она так увлеклась чтением, что замедлила скрутку. На шее остались синяки в форме его пальцев, которые не сходили неделями. Никто не защитил ее, даже Антонио. Поэтому она быстро спрятала цветы под воротник. А вечером ушла, опустив глаза в пол, опасаясь, что Антонио снова посмотрит в ее сторону, и она не будет знать, что сказать.

Но подарки продолжались – пахучее спелое манго; чернильница с изящным пером; миниатюрная филигранная брошь из металла. Она находила их под грудой табачных листьев и старалась надежно спрятать. Она никому не рассказывала об этих знаках внимания и избегала смотреть на Антонио, хотя порой, когда он читал особенно чувственный отрывок, она на секунду поднимала глаза, и всегда его взгляд был прикован к ней.

Пока как-то утром она не пришла на работу и не увидела на своем столе ничем не прикрытую книгу: с синим корешком, шершавым на ощупь, и страницами, тонкими и гладкими, как папирус. Она не сумела прочесть название и спрятала книгу под полкой с готовыми сигарами. Мария Изабель знала, что дон Херонимо счел бы за дерзость то, что она принесла книгу в цех, назвал бы ее бездельницей и даже, возможно, отослал восвояси, убедившись в мысли, что женщина не в состоянии соблюдать строгие нормы труда. Но в обед она примчалась домой, зажав книгу под мышкой, и, пока варился ямс на костре, раздувала дым ее страницами. Убедившись, что мать не смотрит, она водила пальцами по словам, следуя за их изгибами и отрывистыми окончаниями. Он был сродни скручиванию табака – этот импульс вторить дугам и изломам на бумаге, запоминая свои ощущения. Мария Изабель спрятала книгу под кровать.

Встретив в тот день Антонио у своей лошади, Мария Изабель, не дав ему ничего сказать, обратилась к лектору с просьбой:

– Простите меня за мою бесцеремонность, но я все же осмелюсь спросить, как называется книга, которую вы оставили на моем...

– С чего вы взяли, что это был я? – спросил Антонио с улыбкой, растянувшей его рябые от оспин щеки.

Мария Изабель моментально подобрала юбки, намереваясь уйти. Но Антонио остановил ее, положив руку ей на плечо.

– «Сесилия Вальдес», – сказал он. – Это роман. Я не знал, что вы не умеете читать. Это было слишком самонадеянно с моей стороны. Надеюсь, вы сможете меня простить и поверить, что я ни в коем случае не хотел причинить вам зла.

– Зачем вы это сделали?

– Наверное, я покажусь банальным, если скажу, что вы похожи на главную героиню, Сесилию Вальдес. Возможно, поэтому меня к вам так и тянет.

Она не знала, что на это ответить, поэтому только отвернулась и сказала:

– Я должна вернуться домой до темноты. – После чего он спросил ее имя.

– Мария Изабель, вы позволите мне почитать для вас?

– Вне стен фабрики, вы хотите сказать?

– Я был бы бесконечно польщен.

Она протянула ему книгу.

– Благодарю вас за столь щедрое предложение, – сказала она. – Но, боюсь, я не могу его принять.

Мария Изабель подумала, что готова ответить согласием, исполнить свой долг. Можно ли заставить себя влюбиться в ум? Она пригляделась к лектору с толстой как у быка шеей. Забавно, как свято мужчины уверены, что могут запросто понять женщину. Она будет тянуть до последнего.

* * *

Между тем ее мать чахла на глазах. Мария Изабель понимала это по кашлю, от которого та сгибалась пополам и сотрясалась в плечах. Иногда по вечерам у Аурелии совсем пропадал аппетит, так что она рано отходила ко сну и оставляла Марию Изабель ужинать в одиночестве. И все же каждое утро вставала на работу и шла пешком на поля сахарного тростника. Мария Изабель умоляла ее этого не делать, но Аурелия продолжит работать до самой смерти – да и после, если сможет. Это знали они обе.

А потом в Камагуэй пришла война. Мария Изабель понимала: это было неминуемо. С каждым годом «Ла Аурора» сообщала о все большем количестве кубинцев и все меньшем – рабочих мест; экономика все активнее ориентировалась на сахар и на плантации, державшиеся на рабском труде. В газетах писали об аболиционистском движении и росте испанских налогов. Она слышала про одного богатого плантатора из Сантьяго, который освободил своих рабов и провозгласил независимость от Испании. Она слышала разговоры шепотом о тайных собраниях. Но она не ожидала, что борьба так скоро проникнет в ее жизнь.

Как-то ночью Мария Изабель проснулась от топота сапог, ломающих кусты, и всполохов фонарей, отплясывающих на стенах ее комнаты. Она выглянула в окно, стараясь оставаться незамеченной, и увидела в темноте десятки мужчин в красно-синей, безошибочно узнаваемой, испанской военной форме, с цветами флага монархии на лацканах. Они шли с усталыми, осунувшимися лицами, вооруженные мушкетами и саблями, и она смутно разглядела у некоторых из них на бриджах что-то похожее на засохшую кровь.

Этой ночью она не спала, обхватив себя руками, когда вдали грянули первые выстрелы, и мать, спящая напротив, проснулась и мучилась приступами кашля до самого утра. Они провели так два дня, прячась в тени своих постелей, словно за деревянными щитами. Крики и выстрелы, лязг металла, эхо людской агонии в общем гвалте.

На третий день у Аурелии поднялась температура. Мария Изабель устроила мать у себя на коленях и отирала ей лицо влажной тряпкой, нашептывая молитвы Нуэстра-Сеньоре-де-ла-Каридад[8 - Нуэстра-Сеньора-де-ла-Каридад - Богоматерь милосердия, Пресвятая Дева Мария.], пока та покрывалась холодным потом. На четвертый – бои стихли. После них осталась напряженная тишина, не менее оглушительная, чем грохот внезапной войны, и зловонные запахи гнили. Они не ели уже несколько дней и потому залезли в запасы консервированной гуавы в сахаре, папайи и томатов, заготовленных несколько месяцев тому назад, и пока ее мать лежала, не двигаясь, Мария Изабель кормила ее с ложечки. А убедившись, что бои не возобновятся, она рискнула выйти из дома и зашагала тропой, которой обычно ходила на работу, задыхаясь теперь от клочьев дыма и запаха обугленных пальм. Нужно было найти пищу. Нужно было найти соседей. Вдалеке рдело пламя, и она молча возблагодарила Бога за то, что пожары обошли ее дом стороной. Она шла, окруженная тишиной, не слыша ни людей, ни малейших признаков жизни. Только сахарный тростник и осока своим шелестом отвечали на ее клич.

А когда она свернула к реке, где купалась и загорала на солнце каждое воскресенье, Мария Изабель споткнулась обо что-то, похожее на брошенное в траве полено. Она посмотрела вниз и закричала.

На земле лежал мужчина: распахнутые глаза уставлены в небо, рот разинут в застывшем навеки изумлении, шею насквозь пронзало острое лезвие сабли. Густая запекшаяся кровь натекла вокруг его головы, и над раной роились мухи. Мария Изабель перевела взгляд дальше и увидела – целое поле тел, десятки таких же мужчин, как он, оставленные гнить на жаре, обезображенные до неузнаваемости, кишки и мясо наружу, сплошная куча обгоревшей плоти – и, словно в насмешку, свинья, с зубами и рылом, вымазанная в темной крови, копошащаяся в останках. В одном из тел Мария Изабель узнала товарища по сигарному цеху.

Трава дрожала вместе с ней, не замечая кровавой бойни, которой оказалась свидетелем. Пошел дождь, а Мария Изабель словно приросла к месту, пока кровь ручейком красного цвета прокладывала себе кривую дорожку к реке. Наконец она бросилась бежать, в изорванном, грязном и промокшем платье, как в детстве плача о матери, плача о громадной, безжалостной пустоте, простершейся впереди, пока не свалилась на пороге своего дома, горько рыдая.

В эту ночь ее мать умерла.

* * *

После волнений в Камагуэе все изменилось. В «Портеньос-и-Гомес» осталась всего треть рабочих – остальные или погибли в нежданном побоище, или бежали во Флориду, влекомые слухами о табачных фабриках, предоставляющих пристанище беженцам. Ушел дон Херонимо, и Портеньос, владелец *tabaquería* [9 - Табачная фабрика (исп.)], стал контролировать рабочий процесс лично. Настроения омрачились, чтения стали другими.

В день, когда рабочие вернулись в цех после нескольких недель, загруженных похоронами и ремонтными работами, Антонио занял свое место за кафедрой и объявил, что традиционные чтения «Ла Ауроры» временно отменяются, поскольку из-за бунтов задерживалась доставка газеты в Камагуэй. После обеда они закончат «Отверженных», а сейчас приступят к другому роману, принадлежащему перу кубинского писателя.

Мария Изабель не находила в себе сил поднять на него глаза. Все внимание она сосредоточила на листьях, на скручивании куколок, одна плотнее другой.

– Сирило Вильяверде, – начал Антонио, – «Сесилия Вальдес».

У нее дрожали руки. «Крепче, – сказала она себе. – Скручивай крепче».

– «Женщинам Кубы: Вдали от Кубы, лишенный надежды когда-либо вновь увидеть ее солнце, ее цветы и пальмы, кому, как не вам, дорогие мои соотечественницы, отражение всего самого прекрасного, что есть в нашей родине, смею я посвятить сию печальную повесть?»

Голос Антонио помогал рабочим пережить это безрадостное утро. Он говорил об испанской и креольской элите; о любви между свободными и обращенными в рабство чернокожими кубинцами; о женщинах-мулатках и их роли в истории острова. И все же автор был мужчиной-креолом, влиятельным человеком. Не так уж и отличался от других писателей. Пообедав черствым хлебом и горьким кофе, одна в опустевшем доме, Мария Изабель вернулась на фабрику, слушать продолжение «Отверженных».

Так проходили дни. Ночные кошмары и истерические слезы уступили место обморочной усталости. И зачем-то, возможно от одиночества, а возможно от осознания, что у нее никого не осталось на всем белом свете, месяц спустя она дождалась Антонио после работы и сказала ему:

– Я не Сесилия Вальдес, – и добавила: – Для меня было бы большой честью, если бы вы мне что-нибудь почитали.

* * *

Однажды, еще в детстве, отец Марии Изабель взял ее с собой в центр Камагуэя, когда отвозил на рынок корзины с кофейными зернами, собранными хозяином плантации. Там она восторженно глазела на зажиточных испанцев, прогуливающихся по городскому променаду со своими семьями – женщины в пышных юбках из тонкого льна шли с зонтиками в руках, дети играли с обручами и палками или несли под мышками связки школьных учебников. На рынке она видела рабынь, которые таскались по пятам за белыми женщинами с ворохом их покупок – испанки указывали на что-нибудь пальцем, и чернокожие женщины в платьях, больше похожих на привычные Марии Изабель крестьянские халаты, подхватывали это с прилавка.

Тогда она спросила отца, указывая на свою кожу:

– Где все люди, похожие на меня?

Он шлепнул ее по губам, заставив замолчать. Детям не давали слова, напомнил он ей. Дети не задают вопросов – дети отвечают. Дети делают то, что им говорят.

Теперь она знала ответ. Женщины *mulata*[10 - Мулатки (исп.)] были здесь, в этих полях, одни свободные, другие нет, иные даже выдавали себя за креолок. Полугласное правило поработителей: смешайтесь, дабы *mejorar la raza*[11 - Усовершенствовать расу (исп.)]. Испанские мужчины, ваше насилие – благо, ваше насилие делает расу этой колонии чище. И теперь таким, как она, можно сказать: ты не черная, ты – *mulata*, а *mulata* – это *mejor*[12 - Лучше (исп.)], и поколения твоих потомков *blanquear*[13 - Выбелиться (исп.)], подбираясь все ближе и ближе к белизне кожи, пока сами не начнут подчиняться тому же

правилу. На каких-то плантациях вкалывали рабы, какие-то возделывали вольные крестьяне, обеспечивая свое существование на небольших наделах земли. Но у фермеров и у рабов, у гуахирос[14 - Гуахирос – общее название, которое получили крестьяне, живущие в провинциях Кубы и возделывающие землю; восходит к названию племени южноамериканских индейцев, которых ввезли на Кубу испанцы в качестве бесплатной рабочей силы.] и у креольских землевладельцев – у всех были свои причины ненавидеть королеву Изабеллу II.

В последние дни войны от свежих новостей из провинций час от часу становилось страшнее: публичные казни; целые деревни, сожженные дотла; прежде свободные черные фермеры, обращенные в рабство. Люди голодали. Болезни свирепствовали, выкашивая целые семьи. Тюрьмы были переполнены мамбисами[15 - Мамбисы – партизаны, боровшиеся за независимость Кубы от Испании в ходе Десятилетней, Малой, Войны за независимость и Испано-американской войны, своим названием обязанные офицеру Эутимио Мамби, который в 1846 году дезертировал из испанской армии и вступил в ряды солдат Доминиканской республики.]. Гибли народные герои.

А Антонио и Мария Изабель по-прежнему ежедневно по часу проводили за чтением в тени банановых пальм во время обеда. Антонио читал ей стихи кубинских ораторов и политические трактаты европейских философов. Карла Маркса и других мужчин. Они много дискутировали. Он учил Марию Изабель писать свое имя, зажимая перо в ее дрожащей руке, пока она выводила петли и росчерки на небольшом свитке бумаги, и даже не понимая букв, она видела в этих символах некое искусство, некую красоту.

– Сегодня будут особые чтения, – сказал он как-то. – Сразу после обеда. Сюрприз для рабочих.

– Мы не вернемся к «Отверженным»?

Они были на последнем томе, и чтения казались единственным событием, достойным ожидания в те смутные дни, когда любой стук копыт за окном приносил страх новых потерь.

– Вернемся, но для начала – сюрприз.

Мария Изабель по-прежнему оставалась единственной женщиной на фабрике, теперь изрядно опустевшей. Все прочие крутильщики были чьими-то отцами, мужьями и даже сыновьями, чьи суровые лица не могли скрыть их невинности, когда они курили puros[16 - Кубинское наименование для сигар, произведенных на Кубе и из местного сырья, от исп. puro - чистый.] больше собственных ладоней. Мария Изабель знала, что ей повезло больше других: некоторые из этих мальчишек тоже лишились семей, повзрослели за одну омытую кровью ночь, проснувшись уже опекунами своих младших братьев и сестер с пустыми животами.

- Сегодня я принес вам воодушевляющее послание, - возвестил Антонио с кафедры, когда рабочие вернулись за свои столы. - Один из величайших умов нашей с вами родины, Эмилия Казанова де Вильяверде, находящаяся сейчас в изгнании в Нью-Йорке, лидер движения за женскую независимость и супруга знаменитого автора «Сесилии Вальдес», написала письмо Виктору Гюго. В нем уважаемая сеньора Казанова де Вильяверде сообщила сеньору Гюго о большой популярности «Отверженных» в наших с вами табачных цехах, где кубинское ремесло делают достоянием масс. Она рассказала ему о том, какое место начинают занимать здесь наши женщины, как они берут в свои руки мужскую работу, пока мужчины сражаются за освобождение нашего острова. В моем распоряжении имеется перевод ответа Виктора Гюго, адресованного его верной почитательнице Эмили Казанове де Вильяверде - и вам, кубинскому народу.

Рабочие загудели, и Портеньос на втором этаже оторвался от конторки, обращая внимание на беспорядок. Но все умолкли и не сводили глаз с Антонио, когда он развернул большой свиток, сквозь волокна которого на солнце просвечивали черные чернила.

- «Женщины Кубы, я слышу ваш плач. Беглянки, мученицы, вдовы, сироты - вы обращаетесь к изгнаннику[17 - Виктор более пятнадцати лет провел в изгнании, когда после прихода к власти Наполеона III объявил нового императора изменником родины; тогда ему пришлось бежать в Бельгию, откуда был изгнан на Нормандские острова, где жил вплоть до своего возвращения во Францию в 1870 году.]; потеряв родной дом, ищите поддержки у того, кто лишился родной страны. Неудивительно, что мы растеряны: у вас отобрали голос; я приобрел больше, чем только мой собственный; ваши стенания и мои увещевания, два наших вздоха, тоскующих по дому, взывающих к нему, - вот и все, что осталось. Кто же мы - слабость? Нет, мы - сила».

Руки Марии Изабель дрожали, и она попыталась усмирить их, усмирить свой гнев.

– «Совесть – это фундамент, на котором зиждется душа человека. Пока совесть крепка, его душу не сломить. В этом моя сила, и мне того достаточно. Вы правильно поступили, написав мне. Я выступлю в защиту Кубы, так же, как в свое время выступал в защиту Крита. Ни одна нация не вправе заносить свой молот над другой: ни Испания над Кубой, ни Англия над Гибралтаром».

Антонио осекся, и Мария Изабель подняла глаза и увидела, как по лестнице тяжелой поступью спускается со своей площадки Портеньос с красным и взмокшим от пота лицом. Рабочие не проронили ни звука, когда он выхватил у Антонио бумаги и велел ему читать «Отверженных» и ничего, кроме «Отверженных».

Все боялись Портеньоса и его присутствия на фабрике. Среди рабочих ходили слухи, что он переломал ноги своему нерасторопному слуге и что, зная о забастовках на табачных фабриках в США, грозился в собственном цеху застрелить любого, кто будет чем-то недоволен.

– Не смейте пропагандировать среди наших рабочих бредни европейской богемы, ничего не смыслящей в честном труде, которым заняты наши славные граждане! – закричал Портеньос.

Антонио посмотрел на свиток, смятый в рябой от солнца руке Портеньоса. Он пробормотал что-то, прозвучавшее как извинение, и отвернулся так, что Мария Изабель видела только его спину. Ее била такая сильная дрожь, что она даже просыпала сигарную начинку себе на колени.

Антонио встал к кафедре, перевернул страницы лежащей перед ним книги, поправил очки. Как ни в чем не бывало он продолжил читать им «Отверженных». За весь день он ни разу не взглянул на Марию Изабель и ускакал прежде, чем она успела поймать его после работы. И слова Виктора Гюго, обращенные к Эмили Казанове де Вильяверде, эхом отзывались в ней в ту одинокую ночь: «Кто мы? Слабость. Нет, мы – сила». Ей хотелось, чтобы он прочел им слова самой Эмили.

* * *

С каждой неделей число крутильщиков неумолимо сокращалось, пока в цеху не осталось всего две дюжины рабочих.

Некоторых поразили болезни, широко распространившиеся после сражений. Тогда их кожа с каждым днем приобретала все более землистый оттенок, и они бросали курить сигары из-за болезненной одышки. Когда они прекращали выходить на работу, Мария Изабель предполагала, что они либо умерли, либо слишком ослабли, чтобы продолжать трудиться на фабрике. Другие упорно копили все свои заработки, чтобы обеспечить себе место на частном пароходе или шлюпке, которые ходили в Тампу. Война сказывалась и на торговле тоже. Из восточных провинций экспортировали все меньше сигар, хотя спрос и не думал падать.

Тон чтений тоже изменился: Антонио теперь зачитывал только самые духоподъемные выдержки из «Ла Ауроры», которая наконец снова стала до них доходить, и выбирал романы, описывающие приключенческие авантюры и драматичные адюльтеры. По завершении «Отверженных» Антонио больше ни словом не обмолвился о Викторе Гюго. Голосования тоже прекратились. Теперь Портеньос лично проверял материалы для чтений, которые Антонио раскладывал перед ним на столе каждое утро, и иногда Мария Изабель слышала робкие возражения Антонио, которые стихали с ударом начальнического кулака по столу.

Но в обед, когда они ели фрукты и соленое мясо под деревом за цехом, Антонио делился с ней своими находками. Он прочитал ей второе письмо Виктора Гюго, напечатанное в газете, обращенное на этот раз ко всему кубинскому народу, в котором писатель ратовал за отмену рабства и восхвалял кубинское восстание против колониального господства, адресуя напутственные слова повстанцам, чьи ряды стремительно редели. Иногда слова Гюго вызывали у нее слезы. Тогда Антонио заключал ее в свои объятия, и Мария Изабель дрожала и отогревалась в его руках. В лице Антонио она приобрела хорошего друга, что раньше казалось ей невозможным в общении с мужчиной; он же относился к ней чуть более возвышенно и, казалось, восхищался в Марии Изабель той самой силой духа, которую многие, напротив, стремились в ней подавить.

Там же, за цехом, Антонио читал ей и выдержки из «Ла Ауроры». Портеньос с каждым днем запрещал все больше и больше статей оттуда к прочтению на

фабрике. Он был индифферентен к обеим воюющим сторонам, но преследовал свои, коммерческие интересы. Предприятие терпело крах, но Портеньос пока держался на плаву, уверенный в том, что испанцы победят и с наступлением мира его дело снова будет процветать. Вот он и держался, изображая верность губернаторским инспекторам. И Мария Изабель начинала понимать, почему он подвергал «Ла Аурору» такой цензуре – редакторы газеты час от часу выражали все большее беспокойство в связи с репрессиями, охватившими страну. Они осуждали владельцев табачных фабрик, запрещающих лекторские практики, обвиняя тех в препятствовании культурному прогрессу и намеренном сокрытии от рабочих истинного положения вещей. Что ж, думалось ей, своими действиями Портеньос только доказывал их правоту.

– Они перестраховываются и не пишут статей в прямую поддержку повстанцев, – объяснял ей Антонио. – Но намеки более чем прозрачны.

В день, когда Антонио предложил ей стать его женой, с неба как из ведра хлынул проливной дождь, застав их под деревом, и они побежали искать укрытия под карнизом цеховой крыши. Вокруг не было ни души – даже Портеньос ушел обедать к себе домой, на плантацию. Промокшая до нитки, Мария Изабель вынула булавки из своих волос, и те рассыпались у нее по плечам. Он потянулся к ее влажному локону, и она отстранилась, не в силах поднять на него глаза. Она знала, что Антонио влюблен в нее, это было очевидно. Но они никогда не говорили о браке, и хотя он тоже знал, что просить ее руки не у кого, он не рассказывал ей ни о своей семье, ни о своих планах. Она была постоянно настороже, не зная его намерений, и гадала, видит ли он в ней что-то большее, нежели мимолетное развлечение.

Склонившись перед ней, он мял в руках шляпу, и у него самого волосы тоже блестели от дождя.

– Я, увы, не могу предложить вам золотые горы, – сказал он. – Но я люблю вас и клянусь, что буду любить всегда.

Она сказала «да», имея в виду «возможно»; свадебные клятвы давно не вызывали в ней желания бежать за тридевять земель. Она сказала «да», потому что осталась ни с чем, а образованный мужчина казался ей самой удачной партией, на которую она могла рассчитывать. Она чувствовала, что и он тоже ищет умиротворения от этого брака. В Марии Изабель Антонио нашел способ сбежать, не мечтая о других берегах, в ней он нашел причину встречать каждый

новый день с новыми силами. Она все понимала и, несмотря на тяжесть этого бремени, согласилась на роль освободительницы испуганного мужчины. Мария Изабель думала, что именно женщины всегда ткали будущее из огрызков пряжи, всегда были героинями, но не авторами. Она знала, что со временем женщина может возненавидеть подобное положение, но вместо этого обещала себе прочесть сотню книг.

* * *

Она переехала жить к матери Антонио, уже овдовевшей, и его незамужней сестре. Женщины были добры к ней, но Мария Изабель видела, что они никак не могут взять в толк, почему она продолжает работать. Каждый день, возвращаясь домой, она пересекалась на крыльце со свекровью; та качалась в кресле, обмахиваясь веером, и Мария Изабель избегала ее пристального взгляда.

Но как объяснить, что фабрика стала для нее избавлением? Что без слов, которые ждали ее в цеху, починка мужниных сорочек и растирание вареных плантанов в ступке рано или поздно поработят ее разум?

Когда Антонио спал, она плакала по матери, по отцу, по такой одинокой самой себе. Она тянулась к мужу, не понимая, можно ли считать временное облегчение, которое приносили касания теплых рук, сжимающие ее дрожащие ладони, любовью. И часто шептала себе слова утешения: «Слабость. Нет, мы – сила». Теперь это были ее слова.

День, когда чтения прекратились, был ясным, солнечным.

Если раньше ей нужно было напрягать зрение, приглядываясь к лежащим перед ней листьям, то в этот день над всеми столами протянулась завеса бледного света. Воздух был таким густым, влажным, что Марии Изабель едва ли приходилось смачивать листья.

Она слышала, что от мамбисов почти ничего не осталось, и мечты о захвате Гаваны угасали. Слышала о пропадающих семьях, о героически погибающих повстанцах, об изгнанных генералах по всей Северной Америке. Близился мир, она это чувствовала, хотя мир означал капитуляцию, рабство, слишком много

напрасных смертей.

Антонио читал разрешенные разделы «Ла Ауроры». Редакторы газеты с каждым выпуском ударялись во все большую заумь – они никогда не писали о свободе, или о восстаниях, или о войне. Но они говорили о самоопределении. Говорили о культуре как о средстве освобождения. Критиковали рабовладельцев и призывали к отмене рабства. Они просили рабочих крепиться.

И они крепились. Каждый день они занимали рабочие места и кивали друг другу, сообщая свою поддержку взглядами исподтишка. Они проходили мимо пустых столов и благословляли их. Они отдавали большую часть своего жалованья лектору, понимая, что их стало намного меньше; подкармливали фруктами и хлебом самых тощих; оставляли более толстые сигары и более полные чашки рома перед ликами святых у себя дома. Слова Антонио успокаивали.

– «К молодости», стихотворение Сатурнино Мартинеса[18 - Сатурнино Мартинес – кубинский поэт, журналист, основатель «Ла Ауроры» и идейный вдохновитель просветительских чтений для рабочих кубинских фабрик.], напечатано в сегодняшней «Ла Ауроре».

О! Не танцуйте – за горой далекой

Глядите на нее,

На тучу, что застит горизонт собою

И предвещает близость бурных гроз.

Прибытие бойцов испанского ополчения прошло без пыли и шума. Раздался стук. Сеньор Портеньос вскинул голову. Рабочие встретили его взгляд. Он метнулся вниз по лестнице, на бегу вытирая лицо от пота.

Их было трое – стройные, усатые мужчины с красивыми лицами. Они явились с официальным указом от губернатора. Рабочие благоразумно не смотрели в их сторону, но Мария Изабель видела, как замер весь цех, видела, как люди напрягали слух, прислушиваясь к разговору.

Пока Портеньос читал врученный ему свиток под наблюдением солдат, Антонио свернул «Ла Аурору» и отложил газету на кафедру. Портеньос проговаривал слова себе под нос и водил пальцами по строчкам. Затем, положив руку на спину одного из солдат, он вывел их за дверь, где они продолжили разговор шепотом, низко склоняясь друг к другу.

- Господа, - кивнул Портеньос.

По цеху эхом разнесся звук закрывающейся двери.

- Чтений больше не будет, - сухо объявил он.

Антонио смотрел в пол, когда Портеньос выводил его из цеха. Мария Изабель слышала, как они разговаривают снаружи, но не могла разобрать слов. Антонио казался взволнованным, а Портеньос как будто успокаивал и в чем-то упрекал его одновременно. А потом - тишина, нарушаемая только чеканным стуком каблуков Портеньоса, который вернулся в мастерскую и направился к своему столу.

Всем своим существом Мария Изабель чувствовала, что должна пойти вслед за мужем. Она закрыла глаза и беззвучно повторила слова, которые придавали ей сил в последние недели: «Мы - сила».

Она встала. Придвинула стул к столу и вышла за дверь, зная, что больше никогда не пройдет через этот арочный свод. Часть рабочих последовали ее примеру. Портеньос даже не потрудился поднять глаза.

* * *

Они понимали, что рискуют жизнью. Но Марию Изабель и Антонио это уже не волновало. Нечто большее, чем они сами, текло в их жилах; это будет их война.

Каждый день, когда оставшиеся на фабрике рабочие уходили на обед, Мария Изабель и Антонио встречались с ними на лужайке посреди поля сахарного тростника. Поскольку Антонио больше не работал на «Портеньос-и-Гомес», ему не всегда удавалось раздобыть свежие экземпляры «Ла Ауроры», но раз в несколько дней он обязательно ездил в город и привозил оттуда другие новости.

Они шли к месту встречи, и каждый нес с собой по связке книг, чаще всего – философских трактатов и политических манифестов. Рабочие платили им дрожжевым хлебом, жирными колбасами и ахиако[19 - Ахиако – традиционный на Кубе креольский густой суп из картофеля.] в котелках. А в канун Рождества даже закололи и зажарили свинью, на что ушло много часов. В полдень они закуривали сигары и рассаживались на высушенной пальмовой листве, расстеленной на земле. Они кивали и хлопали, когда слышали пассажи, которые вдохновляли их или облекали в слова то, что каждый из них чувствовал.

А Мария Изабель училась читать и делала все большие успехи. Теперь, когда у нее было много свободного времени, она часами занималась с Антонио, а когда все ложились спать, при свете свечи перебирала пальцами хрустящие страницы, пока не догорал огарок, погружая все в темноту.

И все же для нее это были темные дни, дни голода, паники и скорби, даже тогда, когда она носила под сердцем радостную тайну: она ждала ребенка, и ее живот уже начинал выпирать и округляться. Она знала об этом не первый месяц, прежде чем поделилась новостью с Антонио и его матерью; знала еще до того, как покинула «Портеньос-и-Гомес». Но она молчала, потому что грезить о счастливом будущем казалось рискованным, когда смерть могла повсюду дотянуться своими щупальцами. Наконец она призналась Антонио, и он просиял так, словно на его лице отразилось зарево пожара, и еще сильнее укрепился в своей решимости противостоять тому аду, который посеял в их умах губернаторский указ.

Но Антонио не хотел, чтобы она продолжала ходить с ним на лужайку. Он умолял Марию Изабель отдыхать и не находиться подолгу на солнце. Свекровь соглашалась, делая горячие компрессы из марли и ваты для ее ноющей спины, и велела задуматься о своих приоритетах. Несколько дней Мария Изабель следовала их советам и оставалась дома, в их уютной хижине, тушила бобы и вышивала чепчик для младенца. Но даже в положении ей не сиделось в четырех стенах. Она подолгу гуляла, пока ее ноги не отказывались идти дальше. А потом откладывала все домашние дела и часами читала.

Теперь она могла составлять из букв слова. Ее восхищала магия этого действия: то, как люди додумались высекать символы в камне, чтобы рассказывать свои истории. Она думала, что всякая жизнь слишком велика, слишком интересна, чтобы не запечатлеть ее. Она клала руку на живот и чувствовала, как что-то в ней шевелилось и потягивалось, словно ища себе свободы, и ей казалось, будто

весь мир был ее утробой. Она хотела написать свои собственные слова. Она хотела написать свою жизнь и прожить ее. Возможно, в глубине души она знала, что смерть притаилась рядом.

Откуда узнали солдаты? Выяснить так и не удалось, и они еще долго будут ломать себе над этим головы: то ли Антонио обронил у «Портеньос-и-Гомес» что-то компрометирующее (перевод письма Виктора Гюго?), и Портеньос сдал его властям, то ли его предал кто-то из рабочих, то ли им просто не повезло, и солдаты, идущие по полю, заметили их на лужайке, услышали голоса, услышали слова.

Четверо солдат любезно согласились отпустить рабочих после того, как прервали лекцию щелканьем кнутов и выстрелом из пистолета. Но Антонио они заставили встать на одну из его толстых книг.

– Спасет ли тебя теперь твоя литература? – сказал один.

Антонио сцепил руки за спиной и поднял глаза.

А Мария Изабель, будто знала, рухнула на пол их дома и застонала, глядя, как ей под ноги хлынула жидкость. Она схватила золовку за руку и вскричала, зывая к santos[20 - Святым (исп.)]. Она не возражала, когда мать Антонио стала вытирать ей лоб и молиться за нее. Она звала по именам всех, кого любила и кого потеряла.

– Признай свою верность Короне, – сказал солдат в поле, целясь из ружья в голову Антонио.

– Libertad![21 - Свобода (исп.)] – крикнул Антонио громко, надеясь, что Мария Изабель услышит и поймет, что он будет бороться до конца.

Но мир затихал вокруг Марии Изабель, пока она держалась из последних оставшихся в ней сил. Она ощущала во рту соленый вкус пота, она тужилась и хваталась за все, до чего дотягивались руки, она видела, как комната плывет перед глазами, и чувствовала, как внутри плещутся волны. Голоса свекрови и золовки доносились до нее, будто пропущенные сквозь много слоев марли, и она чувствовала, что то и дело впадает в забытие. Ее пальцы коснулись чего-то липкого – ее собственной крови.

Мария Изабель почувствовала, когда свекровь обхватила показавшуюся наружу мясистую головку. И услышала свой собственный пульс, громкий, набирающий скорость, словно борющийся за двоих, за троих, отдающийся вибрацией во всем ее теле. Мы – сила. Надрывный крик жизни вырвался из нее.

Солдат отдал своим товарищам приказ поднять ружья.

Антонио снова закричал.

Раздался щелчок. Раздалось:

– Пли!

Плач ребенка смешался с хлопучечным громом оружейных залпов, взорвавших небо. Мать Антонио перерезала пуповину, вложила вертлявого младенца Марии Изабель в руки и накрыла их одеялом, мать и дитя. Но она через силу встала на нетвердые ноги. Ослабевшая, дрожащая, грязная от крови и пота. Ребенок снова заплакал, и она крепко прижала девочку к сердцу, пытаясь вспомнить свои детские ощущения от прикосновения материнских рук. Сесилия. Она качала ее, пока та не выбилась из сил и ее крошечные веки потихоньку не сомкнулись, все время неотрывно глядя на поле в рамке окна. Сестра Антонио отправилась на поиски брата. Но Мария Изабель уже знала, что та вернется ни с чем. Она прочувствовала истину этого мига собственной кожей, собственным дыханием. И ей казалось, она его услышала: слабый, едва различимый крик о свободе.

Слезы застили ей глаза, но она поднесла Сесилию к груди, и малышка, едва заплакав вновь, затихла, когда нашла сосок и взяла его в рот. Марию Изабель беспокоило, что ей может не хватить молока, потому что регулярные приемы пищи становились для нее все более редкой роскошью. Она подавила тревожные мысли о том, как сможет обеспечить ее твердой пищей, когда придет время. Вместо этого Мария Изабель уставилась на ленту дыма за окном, который поднимался в небо в медленном вальсе, постепенно сворачиваясь в клубок. Она думала только об этой сигаре, догорающей на закате жизни, и почти осязала ее темное древесное тепло. Но в следующую секунду небо снова стало ясным.

2. Все, что тебя держит

Джанетт

Майами, 2014

Ее будят красно-синие огни, скачущие по стенам, как светомузыка на дискотеке; она смотрит из окна своей спальни. Белый фургон с официальным гербом. Два агента в черных куртках со светоотражающими буквами. За занавеской она вжимает голову в плечи. Ей виден только краешек происходящего, и единственный на всю улицу не перегоревший фонарь источает холодный свет. Буквы на куртках описывают атмосферу сегодняшней ночи: ICE[22 - ICE (Immigration and Customs Enforcement) – Иммиграционная и таможенная служба США.]. Лед. Джанетт кутается в халат.

На улицу выводят соседку в наручниках, она в пижаме. На пижамных штанах Минни Маус стоит на цыпочках, сложив у лица ладошки, и сердечки разных размеров лопаются вокруг ее мышинных ушей. Джанетт с ней не знакома. Только знает, что она работает каждый день, даже по воскресеньям. Видит, когда она выходит из дома, всегда в одной и той же розовой форме, с одним и тем же контейнером для уборки. Дыхание Джанетт оставляет на окне маленькие завитки тумана. Агент, женщина с густой копной каштановых кудрей, одной рукой застегивает куртку, а другой держит цепочку, соединяющую браслеты наручников на соседке. Ни шума, ни криков, ни драки. Агенты и соседка идут к фургону молча, огни продолжают вращаться, как фейерверки на День независимости. Второй агент, мужчина, со стуком захлопывает дверцу. Рык мотора. Облако выхлопных газов. Все окна крест-накрест затянуты тонкой проволокой, и Джанетт не видит, что происходит внутри фургона, не видит соседку, когда фургон проезжает мимо таун-хаусов с темными окнами и, свернув направо, исчезает из вида. Все происходит за считанные минуты.

Джанетт пытается снова заснуть и не может. Она втирает лавандовое масло в запястья, принимает таблетку мелатонина. Лежит с открытыми глазами, кажется, не меньше часа. В конце концов она набирает номер, не забыв предварительно нажать *67, чтобы отключить определитель номера. Марио отвечает сонным голосом. Марио отвечает, потому что Марио отвечает всегда, в любое время дня и ночи. И даже сейчас, спустя шесть месяцев после развода и

шесть месяцев чистоты, Джанетт сглатывает ком в горле, пока ждет щелчка, знакомого голоса.

Она говорит:

- Я скучаю по тебе.

Любезности и притворство ни к чему. Даже представляться тоже ни к чему. Разумеется, это она. Вздох на том конце провода. Шелест простыней.

- Джанетт.

- Привет.

- Это не может так продолжаться.

- Мне не спится.

Звук, вроде щелчка. Включил свет?

- Та марка имбирного эля, которую ты так любишь, - говорит она, - которую еще перестали продавать в супермаркете возле нашего прежнего дома? Я видела ее сегодня в магазине, куда теперь хожу за покупками.

- И куда ты ходишь за покупками?

- Ты же знаешь, я не могу тебе этого сказать.

- Скажи мне хотя бы, что ты все еще в Майами?

Молчание.

Вздох.

- Джанетт, как долго мы будем продолжать играть в эти игры? Если ты даже не хочешь мне говорить, где ты, зачем ты звонишь? Для того, чтобы еще сильнее

разбить мне сердце? Для того, чтобы сделать мне еще больнее?

Она легко представляет его сейчас. Спит без майки и в боксерах. Она легко представляет принт на простынях, цвет, запах свежестыранного белья. Стопку библиотечных книг у него на тумбочке. Цвет стен. Они вместе выбрали краску: яичная скорлупа и баварские сливки. Что он читает сейчас?

Он говорит:

– Просто скажи мне, что с тобой все в порядке.

Она отвечает:

– Все в порядке.

Она думала, что звонит ему, чтобы рассказать о рейде, о женщине по соседству. Оказывается, ей нечего сказать по этому поводу. Еще, оказывается, чистота – это непрекращающаяся работа, особенно по ночам. Она вспоминает, как выглядела ее тумбочка год назад: толченые таблетки оксиконтин, сироп от кашля со вкусом винограда, чтобы снимать боль по утрам. Своего рода молитва. Она натягивает одеяло до подбородка. Думает, о чем была бы ее настоящая молитва, если бы она была из тех женщин, которые молятся.

* * *

Что она знает о соседке: вероятно, ей за тридцать, похоже, она из Центральной Америки, домой каждый день возвращается в районе шести-семи часов вечера. У нее кожа цвета жженого сахара и черные волосы. Всегда безупречный макияж. Изогнутые брови. Темно-коричневые губы.

Ресницы, которые загибаются, как цветочные лепестки.

Одинокая? Джанетт никогда не видела ее в обществе мужчины или даже подруги. У нее есть только маленькая дочь, которую подвозят к дому каждый вечер около восьми. Что стало с дочерью? Она понимает, что до этого не задумывалась о девочке. Человек за рулем, который ее подвозит, никогда не выходит из машины. Каждый день девочка сразу бежит к своей двери и

стучится. Навскидку Джанетт дала бы ей лет семь-восемь. Иногда их пути с соседкой пересекаются, когда они встречаются на соседних подъездных аллеях. Они здороваются, дочь улыбается ей. Больше они ни о чем не разговаривают. Джанетт двадцать семь, она практически не замечает детей и не думает о них.

Сейчас, после рейда, в Майами наступает кроваво-апельсиновое утро, такое же, как и любое другое. Естественно, она все еще в Майами. Эти улицы текут у нее в крови, со всем своим пастельным одноэтажным провинциальным запустением, тропическим шиком в каждом вялотекущем мгновении, где каждое бетонное бунгало – воплощение своего рода американской мечты, и неважно, насколько грабительской была ипотека. Ни один другой город так не отзывается в ней домом. Просто еще один день в еще одном доме, практически неотличимом от того, который она делила с Марио, только Марио здесь нет.

Джанетт ставит ноутбук на кухонный стол у окна. Отсюда видно дом соседки. Весь день она сидит в наушниках и слушает, как психиатр классифицирует пациентов по номеру социального страхования и типу заболевания. Обсессивно-компульсивное расстройство. Гипомания. Шизотипическое расстройство личности, смежное с генерализованной социофобией. Она увлеченно печатает, время от времени ставя запись на паузу, чтобы сверить правописание и учетные шифры с ДСР[23 - ДСР (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) – стандартная номенклатура психических расстройств и диагностических критериев, широко используемая американскими специалистами по психическому здоровью.]. Она думает, что нужно заказать новое издание. Она разогревает в микроволновке диетические полуфабрикатные фрикадельки под пармезаном с гарниром из нарезанных соломкой овощей. Она курит сигарету за сигаретой, хотя ее спонсор настаивал, чтобы она бросила, потому что «от зависимости от любого вещества или препарата полшага до рецидива». Можно подумать, кто-то не курит после завязки. За окном опускается тишина, машины одна за другой, как костяшки домино, отъезжают от домов, пока на улице не остается ни одной, кроме машины Джанетт. Шелестят редкие деревья. Случайно мелькнет ящерица или птица. Никаких признаков соседки. Никаких признаков того, что прошлой ночью здесь произошло что-то необычное.

К вечеру Джанетт закончила расшифровку записи и отправила текст по электронной почте в агентство временной занятости. Она готовится к ужину, шарит по морозилке, напевает что-то из топ-40 – Рианну, Бейонсе или Адель. Мельком замечает, как к соседскому дому подъезжает машина. Из машины

выходит дочь соседки, водитель делает разворот в тупичке и отъезжает от дома. Джанетт подумывает о том, чтобы выбежать и остановить машину. Объяснить, что мамы девочки нет дома. Но она застывает в нерешительности, мысленно взвешивая дальнейшие действия, не понимая свою роль в этой истории. Она выглядывает в окно. Девочка стоит перед соседской дверью в фиолетовых легинсах и поло в цветочек. Обеими руками она держит розовый рюкзак. Смотрит на дверь. Стучит. Снова смотрит. Снова стучит. Девочка смотрит по сторонам, и задерживает взгляд на кухонном окне Джанетт. Они смотрят друг на друга.

* * *

А что ей делать? Холодная трава хрустит под босыми ногами. Порывами налетает морской бриз, шебуршит в пальмах. У девочки на лице – выражение не то робкого интереса, не то тревоги, а может, и того, и другого сразу, когда Джанетт подходит к ней и приглашает в свой дом. Девочка выглядит нерешительно, хмурится, когда Джанетт приседает перед ней на колени.

– Это только пока мы не найдем твою маму, ладно? Ты знаешь, где она?

– Нет.

– Кто тебя подвез?

– Джесс.

– Ты знаешь, как позвонить Джесс?

– Нет.

– Ты знаешь, как позвонить твоей маме? У тебя есть номер ее мобильного?

– У нее нет мобильного. У меня есть обычный, домашний номер.

– А кому-то из твоих родственников мы можем позвонить?

- Нет.

- Нет - в смысле, ты не знаешь их номеров? А как их зовут, знаешь?

- Нет.

- Может, у тебя есть тетя или дядя? Бабушка?

- Они живут в Сальвадоре.

- Ладно, хорошо. Тогда пойдем в дом. А пока мы будем искать твою маму, я приготовлю тебе что-нибудь поесть, договорились?

Девочка колеблется, но затем берет протянутую Джанетт руку. Она послушно идет за Джанетт в дом, где плюхается на кухонный стул и ставит рюкзак на пол. Она болтает ногами и молчит, теребя обертку на тенниске.

- Любишь жареные пирожки?

- Да.

- Будешь жареные пирожки?

- Да.

- Как тебя зовут?

- Ана.

- Очень приятно, Ана, а меня - Джанетт.

- Мама умерла?

- О господи, солнышко. Нет, она не умерла.

Односложные ответы. Короткие слова. Дзынькает микроволновка. Джанетт разрезает горячий пирожок пополам, и от него валит пар. Она ставит бумажную тарелку перед Аной и предупреждает:

- Горячо.

По телевизору объявляют распродажу матрасов от такой-то фирмы на любой вкус. Огромные скидки. Небывалая экономия. Только сейчас. Джанетт собирает воедино свои бредовые фантазии: агенты иммиграционной службы арестовывают мать за использование фальшивого номера соцстрахования или за любое другое безобидное деяние, продиктованное необходимостью. Мать пытается объяснить, что у нее есть дочь, которая должна вернуться домой после...

- Скажи, а где ты была прошлой ночью?

Ана держит пирожок бумажной салфеткой и дует на начинку. Она останавливается, откладывает его на тарелку.

- У Джесс.

- Ты ночевала у нее? А почему?

Девочка смотрит на нее так, что Джанетт неожиданно становится неловко. Как будто Ана знает, что что-то не так. Как будто Ана думает, что Джанетт знает больше, чем говорит. Как будто Ана видит ее насквозь.

- Иногда я остаюсь у Джесс с ночевкой.

- Кто такая Джесс?

- Моя няня.

- Она еще придет?

- Она приходит, когда мама звонит ей и просит забрать меня из школы.

- Она заберет тебя в понедельник?

- Если мама позвонит ей.

Или: ее мать совершила серьезное преступление, и за нее взялась служба иммиграции. Мать учуяла, что повеяло неприятностями, и отправила дочку ночевать к няне. Прямо сейчас она звонит родственникам или подругам, чтобы те забрали ее к себе. С минуты на минуту кто-нибудь появится. Джанетт разочарована полярностью своих мыслей. Хорошая иммигрантка - плохая иммигрантка? Она же знает что к чему.

- Говоришь, все твои родственники живут в Сальвадоре?

- Да.

- Все твои родственники?

Ана кусает пирожок. Прожевывает. Проглатывает.

- Да, - отвечает она. - Можно мне попить воды или сока? Пожалуйста.

Джанетт открывает холодильник. Кусок заплесневелого сливочного сыра. Тертый обычный сыр. Белый кубинский хлеб. Она наливает Ане стакан воды из-под крана. Стыдится хода собственных мыслей. Разве это важно, за что загребли ее мать? Так или иначе - у нее на кухне ребенок. Так или иначе - ужасно, что она ни разу не поинтересовалась, как зовут соседку. Она протягивает Ане стакан с водой.

- Я скоро вернусь. Посиди пока тут.

Джанетт закрывает за собой дверь спальни. Она ложится на кровать и ставит ноутбук себе на живот. Поиск в Google: «Что происходит с детьми, когда их родителей депортируют?» Ссылка на службу защиты детей. Ссылка на список центров семейного содержания мигрантов под стражей[24 - Семейное содержание под стражей - метод иммиграционного контроля, получивший широкое распространение в США после 2014 года, когда приток в страну нелегальных иммигрантов с детьми резко возрос. Детей нелегальных мигрантов

фактически сажали в тюрьму вместе с родителями, что вызвало волну резкой критики у общественности, и к 2018 году Штаты решили отказаться от повсеместного использования этой политики, хотя в меньших масштабах она применяется и по сей день.]. На адвоката за адвокатом, адвоката за адвокатом. Новый поиск: «Как найти человека после его ареста». База данных иммиграционной и таможенной службы, которая запрашивает регистрационный номер иностранца задержанного. Никаких телефонных номеров. Адвокат за адвокатом, адвокат за адвокатом. Тихий стук в дверь. Ане нужно в туалет. Джанетт показывает ей, где ванная, и решает, что Ана останется на ночь.

* * *

В постели Джанетт просыпается, захлебывается воздухом, задерживает дыхание. Острая боль в груди. Почти как любовь к Марио, желание бежать к Марио. Она держит это чувство в себе, как пулю. Нет, она слишком далеко продвинулась, чтобы теперь сломаться. Снаружи гроза щелкает каплями дождя по больным, умирающим банановым листьям. В ночи, подобные этой, она даже не замечает, как ее пальцы сами тянутся к тумбочке, пытаются нашарить пузырек, который целебно загремит. Она сжимает пальцы в пустой кулак и кладет его под голову. Ана спит в маленькой комнате за стеной. Джанетт напрягает слух, но ничего не слышит.

Марио. Его щетина всегда росла как попало, а он упрямо продолжал отпускать бороду. По подбородку местами проступала рыжина, хотя его волосы вообще не были рыжими. Марио. Шрам от аппендицита внизу живота, по которому она любила водить пальцами. Он был более организован, чем она, но некоторые его привычки раздражали, например, то, что оставлял мокрую одежду в стиральной машине. Он боялся высоты.

Когда его родители разошлись, отец Марио вернулся в Аргентину и в Аргентине завел новую семью. Марио в нем души не чаял, но отец никогда не звонил. Его мать повторно вышла замуж, и Марио ненавидел отчима, говорил, что тот всегда относился к нему с неуважением, однажды даже дошло до драки. Марио всегда замечал «неуважение». Он тратил массу энергии на то, чтобы оскорбляться на мнимое «неуважение». После ссор они любили ездить на пляж, молча, подальше на север, подальше от туристов, к самым тихим песчаным полосам. Просто посидеть, иногда подержаться за руки. Марио больше всего на свете боялся, что близкие люди бросят его.

Джанетт сворачивается на боку калачиком и кладет ладонь на стену, как будто та сообщит ей ответ: что делать завтра, что делать каждый день впредь. Как называется цвет этой краски? Она думает, возможно, Ане тоже не спится.

* * *

– Как ты могла? – шепчет мать Джанетт, перегибаясь через кухонный стол. Солнце бьет в окно и высвечивает ее лицо, высвечивает крупички пудры у линии волос. Ана в соседней комнате смотрит Disney Channel. Старушка Майли Сайрус вьет веревки из группы школьников. Закадровый смех. – Как ты могла взять и оставить у себя на ночь чужого ребенка? Женщины, с которой ты даже незнакома!

Ана пробыла у Джанетт все утро, смотрела телевизор, таскалась за ней хвостиком, рисовала в блокноте, лежа на животе в гостевой комнате, в которой спала. Мать Джанетт приехала час назад. Она всегда приезжает по субботам. С тех пор, как Джанетт ушла от Марио, завязала, прошла реабилитацию. Ни разу не пропустила.

Мать Джанетт проводит пальцем по стоящим перед ней контейнерам. В одном – рис с фасолью, в другом – «аррос кон лече»[25 - Arroz con leche (дословно с исп. «рис с молоком») – традиционный в испанских и латиноамериканских странах сладкий рисовый пудинг.], любимый десерт Джанетт. Ее мать никогда не приходит без еды, которую готовит накануне вечером, а потом утверждает, что сделала слишком много и не хочет держать в холодильнике столько недоеденных продуктов.

– Я видела, как ее мать посреди ночи вывели из дома сотрудники иммиграционной службы, – шепчет Джанетт. – Я не знаю, что мне делать. Просто позвонить в полицию? И что, ее вернут матери? Или отдадут в детдом?

– Это не твоя проблема.

– Как ты можешь так говорить? – спрашивает она. – Ты сама иммигрантка.

Ее мать проводит языком по зубам и смотрит.

– Ну, что? – говорит Джанетт. – Ты никогда не задумывалась о том, что только кубинцы получают такие поблажки, когда буквально стоит ступить на американскую почву, и ты сразу получаешь правовой статус? Это же так...

– «Добрался до берега – остался в Америке»? Не сегодня завтра этому придет конец.

– Мам, дело даже не в этом. Тебе не кажется, что нужно думать и о других людях, или это тоже не твоя проблема?

Мать сверлит ее взглядом.

– А сейчас я, по-твоему, чем занимаюсь? – спрашивает она. – Думаю о тебе.

В детстве Джанетт часто расспрашивала ее о Кубе. У отца был целый арсенал рассказов об извилистых улочках в колониальном стиле, о самых красивых в мире пляжах, о волшебном времени, проведенном на Малеконе[26 - Малекон – набережная с эспланадой и дамбой, протянувшаяся на 8 км вдоль берегов Гаваны.], глядя на разбивающиеся волны. Он рассказывал о своих родителях, братьях и сестрах, обо всем своем прошлом. Все это складывалось в такую привлекательную мифологию, что Джанетт не могла взять в толк, почему ее мать никогда не отвечала и чуть не выходила из себя, когда ее спрашивали о прошлом. Джанетт ни разу в жизни даже не разговаривала со своей бабушкой по материнской линии, которая осталась на Кубе. И, еще будучи ребенком, она понимала, что та, вторая точка зрения, к которой у нее не было доступа, сформировала ее жизнь. Она даже не знала таких слов, чтобы сказать: «Я хочу понять, кто я, поэтому мне нужно понять, кем ты была».

Мать смахивает в ладонь крошки со стола.

– Между прочим, стол нужно протирать после каждого использования, – говорит она.

– Я так и делаю. Ты когда-нибудь дашь мне поговорить с бабушкой? В последнее время я часто думаю...

Ее мать всплескивает руками и качает головой. Поза, к которой Джанетт давно привыкла.

– Позвони в полицию. Они там для того и сидят. Чтобы разбираться с такими вопросами. Чтобы помогать.

– Я... я просто жду, что кто-нибудь придет за Аной.

– В полиции решат, что ты ее похитила. Откуда тебе знать, что никто не заявил о ее пропаже.

– Кто-то должен прийти за ней. Не бросит же ее мать просто так. Она позвонит няне. Няня скажет, что высадила ее у дома. И кто-нибудь придет. Я все время выглядываю в окно. Я оставила записку на ее двери. Я узнаю, когда за ней придут.

– Джанетт. Это не игрушки. Ты на УДО. Неужели ты хочешь снова все испортить?

Ее мать. Жемчужные бусы, слаксы, крем от морщин, пачка пустых благодарственных открыток. Держит себя уверенно и знает себе цену. Неизменная, как кардиган на плечах, выдержка. Смотришь на нее и сразу понимаешь: эта женщина знает ответы. Часто Джанетт недоумевала, как она родилась у такой женщины. Часто испытывала к ней благодарность, одновременно стыдясь ее. Джанетт: всегда на грани нервного срыва. Смотришь на Джанетт и думаешь: эта женщина видела жизнь.

Не то чтобы мать Джанетт не хлебнула горя. Но ее горе какого-то другого толка. Ее мать живет среди кубинской элиты, иммигрантов первой волны, которые лишились домов, бизнесов и состояний и бежали от коммунизма в самом начале революции. Джанетт догадывается, что с ее матерью похожая история. Она может только догадываться. Когда она начала переписываться со своей кузиной Майделис на Кубе, всплыли некоторые подробности: что мать рано потеряла отца; что бабушка не получила от дочери ни весточки с тех пор, как та уехала; что она пыталась навести мосты, но мать Джанетт не хотела иметь с ней ничего общего – из-за «политики», как говорит кузина. У родственницы Майделис на работе есть доступ к Интернету, и она позвонила Джанетт, чтобы узнать ее электронную почту. Они почти ровесницы и в детстве иногда разговаривали друг с другом по телефону. В Сети они легко нашли общий язык, и кузина

разожгла в Джанетт любопытство, вызвала желание когда-нибудь приехать на Кубу и познакомиться с семьей, которой никогда не знала.

Джанетт подозревает и какое-то иное, незаживающее горе, которое ее мать держит глубоко в себе. Иногда она может самозабвенно смеяться, прежде чем вдруг опомниться, прежде чем снова придать своим чертам почтенный, невозмутимый вид. Джанетт подозревает, что в ее матери есть и другая сторона, плавная легкость, не измозоленная жестокостью новых миров, плещущаяся у берегов покинутой ей жизни. Джанетт видела это горе на фотографиях, присланных Майделис, фотографиях, покоричневевших от старости, в глазах ее матери, юно глядящей вдаль, как будто время не остановится никогда, как будто будущее – это абстракция, данность. И Джанетт спрашивала себя, могло ли это невысказанное горе передаться ей по наследству.

– Что ты будешь говорить, когда он придет в понедельник? – спрашивает мать.

– Мой инспектор по УДО?

Мать Джанетт улыбается, но ее скулы не шевелятся, только натягивается кожа. Она держит в ладонях чашку эспрессо.

– До этого кто-нибудь уже придет за ней, – говорит Джанетт. Она слышит, как в гостиной Ана смеется у телевизора.

– А если нет? Девочку в любом случае ждет одно и то же. Хоть ее заберет твой инспектор в понедельник, хоть прямо сейчас – копы. Разница только в том, наживешь ли ты себе неприятностей.

* * *

Когда ее мать уходит, Джанетт и Ана идут в парк. Джанетт клеит на дверь Аны еще одну записку с номером своего телефона на случай, если кто-то появится, пока их не будет дома. Держась за руки, они идут к крохотной детской площадке: две качели, горка, доска, фонтанчик с водой, одна скамейка. Других детей нет, поэтому Джанетт усаживается на второй конец доски, чтобы составить Ане компанию.

Весь день девочка задавала вопросы. О своей маме, о том, где она и когда сможет вернуться домой. Джанетт не сказала об этом матери, но она соврала Ане и сказала, что ее мать звонила и просила оставить девочку у себя на некоторое время. «Почему?» – спросила Ана. «Почему бы и нет?» – ответила Джанетт. Каждый раз, когда Джанетт слегка приподнимает свой вес, качели опускают Ану вниз. Каждый раз, когда она садится, Джанетт с глухим стуком ударяется об землю.

Вечером они едят пиццу на вынос прямо из коробки, усевшись, скрестив ноги, посреди гостиной. Джанетт изучает заголовки в категории «Детям» на Netflix. Ана не хочет это смотреть. Ана хочет посмотреть «взрослый фильм».

– Твоя мама разрешает тебе смотреть взрослые фильмы?

– По-разному.

– Вы с ней всегда здесь жили?

– Здесь – это в соседнем доме?

– Да. Ну, или в этой стране.

– Нет.

– А где вы жили раньше?

– В Сальвадоре.

– Когда вы сюда приехали?

– Я приезжала дважды. Однажды, когда я была совсем маленькая, и теперь в прошлом году.

– В каком смысле?

– Вот этот.

– Что?

– Я могу посмотреть «Мадагаскар», хоть он и для маленьких.

Они смотрят «Мадагаскар». Они едят сырны палочки. Джанетт каждые несколько часов выглядывает в окно. Джанетт все ждет и ждет, а за Аной по-прежнему никто не приходит. Она делает то, что кажется единственно правильным: уходит на середине мультфильма и сворачивается калачиком в своей постели, слушает бубнеж телевизора и смех Аны за стеной. Звонит Марио. Ничего не объясняет. Говорит о том, как под кайфом они вдвоем смотрели «Фантазию» в 3D-кинотеатре четыре раза подряд за один уик-энд. Оба смеются. Оба грустнеют. Вспоминают, как цеплялись друг за друга в ту ночь, когда в автокатастрофе погиб отец Марио. Молчат в память о той боли. О нежности, которой были переполнены малейшие жесты. Как пусто каждый день. Как трудно не сорваться. Он не...? Нет. А она не...? Нет. Поздравляют друг друга.

Пауза, Джанетт нарушает молчание:

– Мы никогда не думали о том, чтобы завести детей.

– В перерывах между поиском нового кайфа и вечными ссорами? А что тут говорить: «Ах да, давай-ка добавим сюда еще одну жизнь и испоганим заодно и ее»?

– Может, если бы у нас был ребенок. В самом начале. Может, это помогло бы нам завязать. Может, тогда мы бы так много не ссорились.

Ей кажется, Марио плачет. Она слышит его учащенное дыхание, дрожащие вздохи. Это они уже проходили. Она знает, что будет дальше.

– Как я мог причинить тебе столько боли? Ты не представляешь, как сильно я сожалею. О том, что поднимал на тебя руку.

Джанетт тоже хочется плакать, но она всегда боится, что если позволит себе это, то никогда не остановится. Что если позволит боли просочиться наружу, ей потребуется что-то, кто-то, чтобы остановить это кровоупускание. Единственный способ утолить боль. А следом – тяжесть этого груза: непрекращающейся

работы над собой, чистоты. Как они тормозят ее, держат на привязи.

Джанетт отрицательно качает головой, потому что, когда Марио говорит это вслух, все становится реальным. И она – чья-то битая бывшая, и кулаки, которые были на самом деле. В той другой жизни, которая кажется теперь такой далекой. Все, что она может чувствовать, когда в бескрайней пустоте звучат только два голоса, это память, которая все еще жива. Тело, запечатленное на кончиках ее пальцев, вселенная отношений. Со своим языком, границами и ландшафтами. География, которую она изучала годами и до сих пор не может понять: мужчина, который бьет ее кулаком в бок в тот же день, когда подбирает котенка, забившегося в угол под лестницей во время дождя. Никто не знает о ссорах, переросших в драки. Никто не знает о телефонных звонках, которые случаются до сих пор. Прислушиваясь к титрам, она думает об Ане в соседней комнате. О том, что даже лучшие мамы на свете не всегда могут спасти своих дочерей.

* * *

Ночью Ана просыпается и приходит к ней в кровать. Спрашивает, может ли поспать у нее. Они лежат на спине, в темноте уставившись в потолок.

– Не могу уснуть, – говорит Ана. – Я скучаю по маме.

– Солнышко...

– Когда она вернется домой?

Джанетт гладит Ану по спутанным волосам.

– Уже скоро, я уверена.

– Она сказала, когда вернется домой?

– Скоро, скоро. – Джанетт пробует сменить тему: – Что ты имела в виду, когда говорила, что приезжала в страну дважды?

Ана поворачивается на бок. Крохотный комочек на кровати. Маленький кокон.

- Я приехала еще совсем маленькой. Я этого не помню. Потом, когда мне было четыре, мы вернулись в Сальвадор.

- Почему?

- Нас заставили.

- Кто?

- Не знаю. Правительство.

- Но потом вы вернулись?

- В багажнике.

- В каком смысле?

Глаза Джанетт привыкают к темноте. Она тоже поворачивается на бок и видит лицо Аны, смуглое и гладкое. Крошечный нос пуговкой. Жесткие волосы торчат во все стороны, как корона. От нее пахнет так, как часто пахнут дети, резкой, потной сладостью.

- Когда мы возвращались, нам нужно было прятаться в темном багажнике машины. Мы только иногда высовывали головы через задние сиденья, чтобы подышать.

Джанетт не знает, что ей сказать, осмысливает вес ее слов и пытается найти уместный и серьезный ответ. Но Ана ерзает и зевает, похоже, не придавая моменту особого значения.

- Она сказала, что мы должны это сделать ради меня.

- Что?

- Мама сказала, что мы должны ехать сюда в багажнике ради меня, хотя иногда я скучаю по бабушке, и еще в Сальвадоре у меня была собака.

- У меня тоже в детстве была собака.

- Как ее звали?

- Матильда.

Ана хихикает и ложится на спину.

- Ты останешься моей няней навсегда вместо Джесс?

* * *

Она знает, что мать права. Знает, что за Аной никто не придет. С утра она берется за телефон, босиком, стягивая футболку на бедрах и ежась в тусклом свете комнаты. Она не удивлена, когда оказывается, что утром воскресенья офисы Службы гражданства и иммиграции Соединенных Штатов закрыты. Но удивлена, когда женщина, принявшая ее звонок на горячую линию ICE, не может найти мать Аны в базе данных по имени и монотонно спрашивает ее регистрационный номер иностранца.

- Речь о безнадзорной несовершеннолетней? Центральная Америка?

- Э-э, нет. О ее матери.

- Так, это хорошо. Большой наплыв безнадзорных несовершеннолетних. Но если у нее есть опекун, то, вероятно, она находится в центре семейного содержания. У вас есть регистрационный номер несовершеннолетней?

- Нет, она...

- В таком случае вы можете посетить наш веб-сайт для получения дополнительной информации.

Тишина невыносима, когда женщина вешает трубку.

Джанетт находит номера юристов по вопросам иммиграции, и они гораздо более словоохотливы. Они внимательно слушают. Они задают вопросы. Как у нее дела, спрашивают они. Как она держится. К этому вопросу Джанетт привыкла. Она отвечает: «Хорошо», – на автомате.

– Ах, если бы мне платили по центу каждый раз, когда мать разлучали с ребенком, а потом не давали с ним связаться и даже не слушали, когда она твердит своим надзирателям о том, что на свободе у нее остались дети, – говорит одна адвокатесса, которую Джанетт с какой-то стати представляет доброй женщиной предпенсионного возраста – все дело в постоянных «голубушка», сквозящих в ее речи: – Иммиграция – это гражданское дело, голубушка. А не уголовное. Никто не гарантирует телефонный звонок. Никто не выделяет государственного защитника.

Джанетт может только пискнуть в ответ. Она сидит за кухонным столом и рисует на бумаге для принтера. У Джанетт нет ни карандашей, ни фломастеров. Она сказала, что ей все равно больше нравятся шариковые ручки.

– Но вы не волнуйтесь, – говорит добродушная адвокатесса. – Мы все уладим, даже если это займет несколько лет.

– Лет?

– Ну, годик-другой. Едва ли больше. Возможно, на усмотрение прокурора. Джанин – так вы сказали вас зовут? Красивое имя. Я могу приступить прямо сейчас.

А затем добрая адвокатесса говорит то же самое, что говорили и все остальные, не такие добрые, адвокаты, прежде чем Джанетт вешает трубку:

– Счет выставить позже или предпочтете сразу оставить номер кредитной карты?

Разочарование. Возможно, это эгоистично, но Джанетт цепляется за слово «голубушка», как за случайный проблеск человечности, застрявший в горле

незнакомки, как за пылинку, которая дрейфует в солнечном луче, ложащемся на ее кровать.

Она надевает платье. На цыпочках прокрадывается мимо кухни. Джанетт слышит, как ручка Аны размашисто царапает бумагу. Ее надзиратель – он тоже будет сидеть за этим столом на кухне. Тоже будет царапать ручкой бумагу. Ручкой – бумагу. Всегда все сводится к бумаге.

* * *

Джанетт стучится к соседям, живущим по другую сторону от матери Аны.

– Вы знаете женщину, которая живет по соседству? – спрашивает она усатого мужика с полторашкой пива в руке. Джанетт указывает на соседский дом.

– Знаю только, что она как-то убиралась дома у моего кореша за двадцать баксов. Приятная женщина. Но, бедняга, даже не может позволить себе прилично одеться. А жаль, если хотите знать мое мнение. Много мужиков не отказалось бы о ней позаботиться.

Джанетт смотрит на свою одежду, бретельки лифчика, торчащие из-под майки, грязные туфли.

Усатый мужик начинает закрывать дверь, но в последний момент останавливается.

– Эй, – говорит он, вытаскивая телефон из кармана. – Я тут вспомнил. Говорите, ее дочка ищет? Жена моего друга – директор начальной школы неподалеку отсюда. Сто процентов, малая туда и ходит. Может, она что-то знает.

Джанетт стоит на улице и набирает номер. Она оглядывается на усатого мужика, улыбается и кивает ему. Он стоит и смотрит. И Джанетт думает о том, как ей хочется попросить его закрыть дверь, но она ни за что не попросит его закрыть дверь. Она не просит о том, чего хочет. Два длинных гудка, отвечает женщина с прокурено-хриплым голосом. На заднем плане лает собака. Плачет ребенок. Джанетт пытается объяснить.

– Простите, а вы кто?

– Я... член сообщества. Я боюсь, что сотрудники иммиграционной службы могли оставить ученицу вашей школы... без присмотра... когда забирали ее мать.

– А, – говорит женщина. – Да, я слышала, что такое иногда случается. Вы звонили в полицию? Как зовут девочку?

В дверях мужик скребет ногтем большого пальца по пивной этикетке. Смотрит на свой ноготь. Она ощущает вкус его пива, язык помнит. Почему мужчины могут быть «любителями заложить за воротник»? Холеные и невозмутимые, кожа и виски. Ее отец. Женщина, которая не просыхает, попросту безответственная. Не может себя контролировать.

– Я... Ана, – отвечает Джанетт. Она не знает, почему решила не называть фамилию Аны.

– Ясно, – говорит женщина. Слышится приглушенный звук, затем крик: – Делайла, отпусти собаку! Что я тебе говорила...

– Извините за беспокойство, – говорит Джанетт, приготовившись закончить разговор. Она думает: все люди надеются, что собеседник закончит разговор первым.

– Ана, вы сказали? Ой, у меня почти семьсот детей в этом году. Среди них, наверное, с десятков Ан. Вы знаете номер полиции? Я могу дать вам номер полиции.

– Извините за беспокойство, – повторяет Джанетт и заканчивает разговор.

Мужик спрашивает ее номер телефона, когда она собирается уходить, но Джанетт не отвечает и вместо этого думает о контейнере для уборки. Она думает об изогнутых бровях, думает о невозможных решениях, и у нее возникает чувство, что мать Аны уже все про нее знает, уже в курсе, что Джанетт подведет. Она думает о невозможных решениях и вспоминает, вспоминает так глубоко, что становится больно, почему она никогда не представляла себя в роли матери.

– Простите, – говорит она, и она говорит это каждой матери в мире, но мужик на пороге не понимает; он не мать, и он просто кивает.

Джанетт как раз возвращается к своему дому, когда начинается дождь, и она замечает в окне Ану. Почему-то вид детского личика за стеклом в подтеках дождя, детского личика, полного надежды, напоминает ей о том, что она пропустила собрание АН[27 - АН – Анонимные наркоманы.]. Джанетт останавливается, поднимает глаза. Говорить ли это инспектору по УДО? Он станет выяснять причину и предположит, что она просто не хочет выздоравливать, не хочет отпускать Марио, не хочет жить дальше. Она скажет ему, что пропустила собрание, но это в последний раз, а он не поверит и будет разочарован в ней, но она привыкла к разочарованию. Она привыкла к неверию.

Джанетт не спешит возвращаться. Она стоит, пока вокруг нее хлещет дождь, пропитывает одежду, натекает в обувь. Приятно наказывать себя. Трястись от холода на опустевшей улице. Ее спонсор однажды сказал ей, что единственная любовь, которую она понимает, это любовь, которая ломает человека снова и снова.

Мокро шлепая по дому и оставляя за собой грязные следы, она проходит мимо Аны, которая все так же рисует, рисует домики, рисует птичек. Джанетт забирает телефон в свою комнату. Но она не звонит Марио. Она закрывает глаза и пытается вспомнить опиумную эйфорию, водянистое спокойствие, удар по мозгам, упоительную сонную расслабленность. Его голос в ее ушах: «Ты ведь чувствуешь это, чувствуешь каждую молекулу, что тебя окружает? Все, что тебя держит». Она не звонит ему после того, как вызывает полицию. Она не звонит ему даже после того, как подъезжает полицейская машина, и она слышит, как Ана открывает дверь и зовет ее по имени, и сердце стучит у нее в груди, и она впервые чувствует, что нет, вот что такое разбиться.

3. Энциклопедия птиц

Глория

Техас, 2014

Скалистый попугай, также известный как патагонский попугай, – единственная птица, у которой растут ресницы. Это малоизвестный факт. Еще один малоизвестный факт заключается в том, что скалистые попугаи, хотя их часто заводят в качестве домашних животных, становятся злыми и агрессивными, если долго держать их в клетке. Скалистым попугаям нужно общение. Им нужны краски. Если разлучить пару скалистых попугаев, то в скором времени птица, оставшаяся одна, умрет. Она умрет от одиночества.

Обед подают всегда в полдень. Так я веду счет времени. Мы обедаем отдельно от детей, пока они на уроках; дети обедают вместе, в другое время. Наши подносы цвета грязи разделены на пять отсеков. Сегодняшний обед: кружочки белого лука, апельсин дольками, белый хлеб (два куска), печеные бобы из банки. Обслуживают нас другие задержанные женщины, которые работают за три доллара в день. Работать хотят все, поэтому на стене висят телевизоры с именами тех, кто и в какой день заступает на ту или иную работу. Из постоянных служащих две говорят по-испански. Они говорят, что им грустно видеть меня здесь. Они говорят мне: держись. Ты выйдешь отсюда в два счета. Одна из них дарит мне книгу с фактами о птицах, уже вторую. Не помню, откуда она знает, что я интересуюсь птицами, но, наверное, я сама ей сказала. Я не знаю, где она взяла книгу.

Я дружу со всеми женщинами. Я не знаю всех их имен. Но знаю, у кого заболел ребенок, а кто потерял мужа в пустыне по дороге. Я знаю, кого иногда нужно обнимать, а кому отдавать добавочные порции. Мы не говорим о них – о тех, кто потерял детей, кто носит на себе следы изнасилований и полицейских дубинок, и о тех, кого иногда с криками уводят посреди ночи по вызову кого-то из персонала в красных теннисках. Мы надеемся, что к ним. Депортировать тоже могут посреди ночи. Нам ничего не сообщают, не отвечают на наши вопросы.

Гомер, или Аристотель, или греческие философы, или римские натуралисты, или все вместе взятые, не помню точно, считали перелетных птиц воинами. Они верили, что когда улетаю перелетные птицы, они летят сражаться в битве на краю земли. Я представляю, как они, кружа, штопором уходят в небо, миллионы птиц, миллионы крыльев, пульсируя в единой, общей силе. И мощь этого бьющегося птичьего сердца так велика, что может взорваться огнем и сровнять с землей любую стену.

Я не знаю, почему я здесь.

Здесь семьи. Здесь в основном матери и их дети. Юристы называют это семейным заключением. Бумаги, которые мне не переводят, называют это «Техасским региональным центром постоянного пребывания». Я одна. Я без понятия, где моя дочь – надеюсь, все еще во Флориде, не знаю, каким чудом в безопасности, или на пути сюда, если в безопасности во Флориде никак. Каждый вечер я молюсь за нее. Молюсь, стоя на бетонном полу у своей койки, до саднящих коленей, до подгибающихся ног.

Иногда я стираю колени до крови. Рядом с моей койкой темнеет красное пятно. Я называю его Ана. Ана – так зовут мою дочь. Боюсь, я тоже схожу с ума. Я не знаю, почему я здесь, и я одна, и я молюсь Богу, в которого не верю, но если он существует, то она, несомненно, птица, перелетная птица, которая сражается в битве и, несомненно, сровняет эти стены с землей.

* * *

Дорогая Ана, прости меня. Я пыталась тебя спасти. Дорогая Ана, прости меня. Я думала, что даю тебе шанс на лучшее будущее. Дорогая Ана, я боюсь, что испортила тебе жизнь. Я этого не пишу.

* * *

Свою первую книгу о птицах я нашла в комнате для рукоделия. Женщины приходят туда со своими детьми. Там стоят столы наподобие столов в кафетерии. Есть карандаши, фломастеры, пряжа, цветная бумага, детские ножницы, клей. На стенах висят листовки о сексуальном насилии с жирными буквами «берегите себя!». На полу стоит поролоновый стеллаж с книгами и мозаиками. Первая книга о птицах называлась «El mundo secreto de los pajaros»[28 - «Тайный мир птиц» (исп.)]. В «El mundo secreto de los pajaros» было написано, что эта книга для детей среднего школьного возраста. Описание каждой птицы сопровождалось картинками. Я до сих пор прихожу туда, в комнату для рукоделия, когда мне становится совсем грустно. Я читаю книгу, лежа на поролоновом полу. Я читаю, лежа на поролоновом полу, и когда я переворачиваюсь на спину, то чувствую, как поролон подо мной проседает. Я думаю о том, что у Аны мягкая кожа. Что ее волосы похожи на птичий пух.

Сначала я часами всем рассказывала о североамериканском каньонном крапивнике. Каньонный крапивник тысячами камушков выкладывает тропинку к своему гнезду. Представьте себе: каменная дорожка петляет через каньоны, через пустыню, пока не упирается в гнездо, которое кишит вертяльвыми птенцами, зовущими мать, а мать вдалеке скачет от камушка к камушку, от камушка к камушку. Я – мать. Я – камушек вдалеке. Или просто еще один человек со своими проблемами в мире, где и так слишком много проблем, чтобы обращать внимание на кого-то, кто сидит в застенках и читает детскую книгу в комнате для рукоделия. Я – камушек.

После того, как я часами всем рассказывала о североамериканском каньонном крапивнике, женщины стали дарить мне и другие книги о птицах. Они просили, чтобы их приносили им посетители – волонтеры, адвокаты и, счастливицам, родственники. Женщины стали моей птичьей семьей.

* * *

Детская площадка – самое счастливое место на территории центра, но она не похожа на другие игровые площадки. Горки здесь серые и сделаны из металла. Турники, туннели – тоже сделаны из металла. Все это покрыто серым брезентом. Похоже на индустриальную площадку для детей-роботов. Или лабораторию с двусторонними зеркалами, где развлекаются инопланетяне, пока ученые изучают их поведение. Не думаю, что их смущает металл. Не думаю, что их смущает серость. Может, не у всех из них были радужные пластмассовые площадки с винтовыми лесенками, и им не с чем сравнивать.

Детская площадка находится во внутреннем дворе, огороженном зданием. Земля покрыта бетоном и искусственной травой. По одну сторону двора – наши койки. По другую – учебные помещения, санчасть, общая комната и библиотека, в которой почти нет книг, есть несколько компьютеров, но преимущественно тут хранятся подшивки с такими заголовками, как «юридические советы для чайников» и «знай свои права». Я их как-то полистала. Я почти ничего не поняла. Каждая часть здания называется зоной и помечена символом с животным и цветом: красная птица, зеленая лягушка и тому подобное. Никто не называет свои комнаты этими названиями. Никто не говорит, что живет в «животном».

Сегодня на детской площадке порядка дюжины детей. Слава богу, дети не носят штаны с безразмерными футболками одинакового цвета и могут бегать во всей

пестроте своего оперения. Синие шорты, красные футболки, черная кожа, каштановые волосы, зеленые глаза и звонкий смех. Не все дети такие. Некоторые сидят на бетонном выступе, возя ногами по песку, и смотрят на все со стороны. Некоторые вообще не появляются на детской площадке, предпочитая повсюду следовать за своими матерями, проявляя первые черты взрослости, которая вот-вот проступит в них во всей своей суровости. Ана – это сплошные вопросы и смех. Она любит рисовать, любит носиться по грязи и играть в футбол, ее худые ноги всегда залеплены пластырями. Любит сочинять истории, чтобы скоротать время. Няня знает ее лучше, чем я. С няней она проводила все свободное время, пока я не заканчивала работать по вечерам. Боль возвращается, всегда застает меня врасплох. Я вынуждена отвести взгляд от горки, от песочницы, от горящей вдалеке нефти.

Как вы думаете, она будет это помнить? спрашивает женщина слева от меня по-испански. Мы сидим на скамейке, она со своей дочерью, одетой в желтые шорты с белыми ромашками, у малышки всего четыре передних зуба. Она сидит в песке, бросая в воздух пригоршни песка, в стороне стоит охрана. Охрана смотрит сквозь нее. Охранница – женщина, и она похожа на меня.

Как ее зовут? спрашиваю я.

Глэдис, отвечает она. Как вы думаете, она будет это помнить?

Нет, вру я.

Я вру, потому что знаю, что нас могут продержать здесь не один месяц. Я знаю, потому что об этом мне рассказала другая задержанная женщина. Она сотрудничает с активистами, которые пытаются ее вытащить. Активисты говорят, что власти не имеют права содержать детей под стражей более двадцати одного дня, но администрация Обамы возражает на это тем, что дети с родителями совсем другое, чем дети без родителей, и поэтому правило двадцати одного дня не применяется. Все это невероятно запутанно. У этой женщины есть еще одна дочь, гражданка США. Она просто хочет вернуться к ней. У матерей, чьи дети граждане США, больше шансов на успех, но все же...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Посвящается моей бабушке Ираиде Розе Лопес (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

EPICOT (Experimental Prototype Community of Tomorrow – Экспериментальный прототип сообщества будущего) – тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея», расположенный в городе Орландо, штат Флорида, и посвященный мировой культуре и новейшим технологиям. Одна из зон парка носит название «Витрина мира» и представляет собой историко-культурную реконструкцию 11 стран мира.

3

Бохио – традиционные для стран Карибского бассейна тростниковые хижины круглой формы без окон.

4

Со мной все хорошо (исп.).

5

Гамак (исп.).

6

Кастрюля (исп.).

7

Цитата из романа В. Гюго «Отверженные» в пер. Н. А. Коган.

8

Нуэстра-Сеньора-де-ла-Каридад – Богоматерь милосердия, Пресвятая Дева Мария.

9

Табачная фабрика (исп.).

10

Мулатки (исп.).

11

Усовершенствовать расу (исп.).

12

Лучше (исп.).

13

Выбеливаться (исп.).

14

Гуахиро – общее название, которое получили крестьяне, живущие в провинциях Кубы и возделывающие землю; восходит к названию племени южноамериканских индейцев, которых ввезли на Кубу испанцы в качестве бесплатной рабочей силы.

15

Мамбисы – партизаны, боровшиеся за независимость Кубы от Испании в ходе Десятилетней, Малой, Войны за независимость и Испано-американской войны, своим названием обязаны офицеру Эутимио Мамби, который в 1846 году дезертировал из испанской армии и вступил в ряды солдат Доминиканской республики.

16

Кубинское наименование для сигар, произведенных на Кубе и из местного сырья, от исп. puro – чистый.

17

Виктор более пятнадцати лет провел в изгнании, когда после прихода к власти Наполеона III объявил нового императора изменником родины; тогда ему пришлось бежать в Бельгию, откуда был изгнан на Нормандские острова, где жил вплоть до своего возвращения во Францию в 1870 году.

18

Сатурнино Мартинес – кубинский поэт, журналист, основатель «Ла Ауроры» и идейный вдохновитель просветительских чтений для рабочих кубинских фабрик.

19

Ахиако – традиционный на Кубе креольский густой суп из картофеля.

20

Святым (исп.).

21

Свобода (исп.).

22

ICE (Immigration and Customs Enforcement) – Иммиграционная и таможенная служба США.

23

ДСР (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) – стандартная номенклатура психических расстройств и диагностических критериев, широко используемая американскими специалистами по психическому здоровью.

24

Семейное содержание под стражей – метод иммиграционного контроля, получивший широкое распространение в США после 2014 года, когда приток в страну нелегальных иммигрантов с детьми резко возрос. Детей нелегальных мигрантов фактически сажали в тюрьму вместе с родителями, что вызвало волну резкой критики у общественности, и к 2018 году Штаты решили отказаться от повсеместного использования этой политики, хотя в меньших масштабах она применяется и по сей день.

25

Arroz con leche (дословно с исп. «рис с молоком») – традиционный в испанских и латиноамериканских странах сладкий рисовый пудинг.

26

Малекон – набережная с эспланадой и дамбой, протянувшаяся на 8 км вдоль берегов Гаваны.

27

АН – Анонимные наркоманы.

28

«Тайный мир птиц» (исп.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/garsia_gabriela/o-zhenschinah-i-soli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)